

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ДОНБАССА КАК ПРОТИВОВЕС ЭТИЧЕСКОМУ НИГИЛИЗМУ

© 2024. *Н. Н. Емельянова*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье исследуется сущность экзистенциального самоопределения Донбасса как феномена, противостоящего культурно-историческому беспамятству и этическому нигилизму. Анализируется понятие экзистенции применительно к ментальности Донбасса как части Русского мира. Доказывается аутентичность ценностной ориентации жителей Донбасса, осуществивших выбор подлинного бытия в соответствии с потребностями экзистенциального самоосуществления.

Ключевые слова: экзистенциальное, экзистенция, трансцендентное, бытие, самоопределение, Донбасс, Русский мир, ценности, этический нигилизм.

Процесс экзистенциального самоопределения Донбасса можно считать завершенным с момента принятия региона в состав Российской Федерации. В то же время можно утверждать, что этот процесс по самой своей сути не может быть завершаемым – точно так же, как никогда не завершается самоосуществление отдельного человека. Экзистенциальный выбор, сопровождающий индивида на протяжении всей его жизни, воплощается в самоопределение этноса, народности, нации. Переплетение исторических, социальных, политических, географических и прочих предпосылок обеспечивают выработку той или иной системы ценностей, составляющей каркас любого мировоззрения. Ценностные ориентации жителей Донбасса, основанные на ментальной приверженности духовным запросам Русского мира, вызывают понятную агрессию со стороны украинских властей и других сателлитов либерального Запада. Развернутая ими информационная война в условиях СВО строится на использовании разного рода дезинформации, подтасовке фактов, содержит множество пропагандистских уловок, которым необходимо активно противостоять. Этим обусловлена актуальность рассматриваемой темы.

Целью исследования является обоснование аутентичности экзистенциального самоопределения Донбасса как противовеса культурно-историческому беспамятству и этическому нигилизму.

Задачей исследования является анализ проблемы экзистенциального самоопределения Донбасса как субъекта Российской Федерации.

Обратим внимание на то, что не только в научных статьях, но и в средствах массовой информации при обсуждении хода СВО все чаще акцентируется тот факт, что мы имеем дело с *экзистенциальным* конфликтом истории, и что грядущий исход событий – это вопрос *экзистенциальный*. Употребление данного термина весьма показательно: философское понятие, ранее известное только интеллектуальной элите, постепенно становится принадлежностью массового сознания. Нынешний вооруженный конфликт – это противостояние диаметрально противоположных нравственных норм и ценностных систем, иначе говоря – противостояние действительно экзистенциальное.

Представители экзистенциализма основывают свою позицию на постулате о существовании, которое предшествует сущности. Для классической философии

сущность человека задается ему изначально (эссенция определяет экзистенцию). Так, широко известно марксистское определение сущности человека как совокупности общественных отношений: существование субъекта предопределено и гарантировано его социальной сущностью (человек – необходимая клеточка социального организма). Сделаем ремарку: философия К. Маркса представляет собой сложное мировоззренческое явление, содержащее в себе достаточно мощное гуманистическое ядро (недаром в неомарксизме так много экзистенциальных идей). Но соотношение существования и сущности трактуется здесь в пользу первичности последней: бытие человека определяется его социальной сущностью. Экзистенциализм же делает упор на том, что индивид сначала рождается, воспринимает окружающую реальность, думает, чувствует, страдает, вдохновляется, набирается опыта, то есть *существует*, и лишь затем кем-то становится, обретает себя как личность. Переход от обыденного, несвободного, неподлинного существования к подлинному, совершающийся в пограничной ситуации, дает ему настоящую экзистенциальную свободу.

Обращаясь к понятию «экзистенция» (*exsistentia* – существование), подчеркнем один важный момент: его нельзя истолковывать в упрощенном виде. Так, некорректно отождествлять его с привычными понятиями жизни либо выживания. Неслучайно в свое время О. Больнов обратил внимание на различие таких понятий, как жизнь и существование. Он считал, что жизнь поддается множественным содержательным определениям, ибо к ней можно применить различные характеристики: слабая, сильная, богатая, бедная и т. д. «Существование же лежит по ту сторону определений. Оно может быть лишь целиком обретено или целиком утеряно» [1, с. 37]. В этом состоит качественное отличие экзистенциала существования от понятия жизни. Кроме того, экзистенция – это еще и преодоление онтологической и этической незавершенности существования, никогда не прекращающееся самоосуществление. Самореализация человека изначально содержится в экзистенции, стремящейся овладеть бытием, в результате чего трансцендентальная проблематика реализуется на уровне индивидуального. Согласно терминологии М. Хайдеггера, экзистенция (*Dasein*) – это *вот-бытие*, или, другими словами, «здесь-бытие», формирующееся на почве переживания единичного существования. Экзистенция включает в себя трансцендирование, непрерывный выход за собственные пределы, за рамки наличного бытия.

Процесс трансцендирования был обстоятельно описан С.Л. Франком, поставившим задачу проникнуть в тайны непостижимого. Согласно его теории, первооснова бытия открывается нам не только во внешней реальности, но и в мире самобытия, то есть внутренней жизни человека. Непосредственное самобытие обладает потенциалом бесконечности: индивидуальная душа способна как к трансцендированию вовне (к «другому»), так и к трансцендированию вовнутрь. В первом случае осуществляется проникновение в иное «я», устанавливается связь между «я» и «ты», самобытие познается через Другого. Примечательно, что понятие «ты» философ применяет и к Богу, в котором как в высшем образце воплощено трансцендентальное условие самой возможности существования «ты». Во втором случае происходит погружение в самодостаточную духовную реальность («чистую объективность»), прокладывается путь к духовному основанию. В процессе трансцендирования осуществляется реализация личности как самости, которая, пребывая перед лицом высших духовных сил, в то же время сама проникнута этими объективно-значимыми силами: «Тайна души как личности заключается именно в этой ее способности *возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя*, – по ту сторону всякого фактического своего состояния, и даже своей фактической *общей природы*» [2, с. 409].

С.Л. Франк постоянно подчеркивает, что в непосредственном самобытии личности обнаруживается начало сверхприродного бытия, что имманентное выступает как выражение трансцендентного. Признавая автономность духовной жизни, которая всегда осуществляется в виде самоопределения, русский философ указывает на всеобщую бесконечность трансцендентного духовного бытия. Каждый человек – это и малая частица мирового целого, подчиненная его силам, и бесконечное место, в котором оно целиком присутствует; это неотъемлемая частичка социума, полная обособленность от которого означала бы утрату личностного начала. Для Франка каждая личность представляет собой неповторимую индивидуальность, являясь ею именно в той мере, в какой она значит что-то для других людей. «Поэтому «грехопадение» *мира* есть *мое* грехопадение и *мое* «грехопадение» – грехопадение всего мира» [2, с. 542]. Личность несет ответственность и перед собой, и перед другими, и перед безусловной реальностью.

Мысли русского мыслителя прямым образом перекликаются с идеями представителей европейского экзистенциализма, прежде всего – Ж.-П. Сартра. У французского философа мы видим постоянную апелляцию к проблеме «Я – Другой», озабоченность такими экзистенциалами, как свобода и ответственность. Воспринимая культуру как критическое зеркало, отражающее образ человека, и выстраивая онтологическую концепцию субъекта, Сартр сводит к сознанию все бытийные феномены. Понятие существования, которое предшествует сущности, преломляется у него в понятие «бытие-для-себя», как бы предваряющее «бытие-в-себе». Однако бытие-для-себя – это, на самом деле, бегство от бытия, его постоянное отрицание. Поэтому, разъясняет Сартр, настоящего времени, как такового, не существует, ибо всякое мгновение Настоящего позади уже было его прошлым, а впереди будет его Будущим: «Таким образом, Настоящее раскрывается через первоначальную временность как универсальное бытие, и в то же время оно является ничем – ничем более, чем бытие; оно есть чистое скольжение протяженности бытия, чистое ничто» [3, с. 235]. В периоды социальных потрясений это скольжение знаменует переход к иному уровню существования.

Являясь точкой пересечения всех реальностей бытия, субъект попадает в зону онтологического отчуждения. Обреченность на свободу выбора в любой ситуации (отказ от выбора – это тоже выбор) нигилирует сущность человека, которая отчуждается от его существования. Это отчуждение приобретает двойственный характер: и от природы, которую невозможно подчинить себе без ущерба для существования мира, и от социальных механизмов общества, культивирующих примат социальных ролей и тем самым вытесняющих уникальность их носителей. Таким образом, сознание лишается трансцендентности и превращается в безличное существование, вызывающее у рефлексирующего субъекта экзистенциальную «тошноту». Свобода, обернувшаяся обилием индивидуальных мотивов и решений, становится негативной *свободой от* – прежде всего от якобы «устаревших» понятий долга, чести, ответственности. Отсюда – нравственная индифферентность, провоцирующая на бездумное принятие навязанных извне целей и приоритетов.

У М. Хайдеггера, рассматривающего проблему мировоззрения как отношения человека к сущему, иллюзорное завоевание мира становится основой для «вопросания» бытия. Человек, который блуждает в бездомности и экзистирует в брошенности, постигает ужас и тоску Бытия. Ему открывается сущее, которое тонет в оцепенелом покое безразличия, ибо Бытие – это и самое надежное, и самое забытое: «Безразличное отношение к бытию и высшая страсть к сущему свидетельствуют о метафизическом характере эпохи» [4, с. 176]. Существование личности становится

вопросом для самого себя, и проблема сущности человечества трансформируется в проблему Я: глубинное исследование глобального требует от субъекта стать с ним единым целым. Как видим, в этих рассуждениях также отчетливо просматривается связь с идеями С.Л. Франка относительно способности человека к трансцендированию как вовне, так и вовнутрь.

Показательно, что предметом напряженных размышлений отечественных и зарубежных философов становится сама история, представляющая местоположением метафизического столкновения с экзистенциальным. Об этом размышляли великие русские мыслители, для которых история была не сигналом из прошлого, а особой ступенью бытия. Так, Ф.М. Достоевский считал, что реализация идеи всечеловеческого примирения как исторического назначения – дело не эгоцентричных европейцев, а русского народа, ибо в его духе заключается живая потребность человеческого всеединения с полным уважением к свободе национальных личностей. Н.А. Бердяев, видевший в предмете истории неповторимое личное творчество, был уверен, что постижение исторического возможно лишь при условии его восприятия как своей собственной истории и судьбы. По убеждению В.В. Розанова, формирование народов и государств в истории означает прояснение своего лица собирательным человечеством. Подчеркивая, что в истории России, начиная с Петра Первого, всякий последующий этап развития символизировал разрыв с предыдущим, русский философ обнаруживает задачу своей эпохи в разрыве с Западом: «Сомнение в прочности и в абсолютном достоинстве европейской культуры, которое является теперь общераспространенным, послужит для нового поворота нашей истории такой же исходной точкой, как вечные неудачи и поражения русских послужили, два века тому назад, исходной точкой идей и стремлений Петра» [5].

Эти слова поразительно актуальны в наше время, когда западноевропейская культура безудержно демонстрирует издержки ложно понимаемого «человекоцентризма». Утрата национального достоинства выражается, в частности, в бегстве от исторической реальности, отмеченной трагическими событиями прошлого. Так, убедительным примером подобного бегства является стремление многих западных политиков «забыть» ужасающую историю Волынской резни в обмен на участие в ослаблении России. Точно так же очередная годовщина печально известной атомной бомбардировки Хиросимы ознаменовалась в 2024 году забвением виновника этой трагедии. Выражая скорбь по жертвам данного преступного деяния, ни один из японских политиков не счел нужным упомянуть США. Политическая конъюнктура диктует свои правила игры, в которых нет места исторической правде.

В этой связи весьма поучительны рассуждения русского историка Н.И. Кареева, который еще в 1913 г., проанализировав отношения дореволюционной России и Польши, пришел к выводу о неминуемом искажении исторической истины в условиях межгосударственного антагонизма: «На почве традиционной неприязни подобного рода создается понятие о "наследственном враге", по отношению к которому иными представителями национализма в историографии все считается дозволенным в ущерб достоинству науки и вопреки элементарным требованиям чувства справедливости. В подобного рода случаях историческую критику заменяет публицистическая полемика, и, вместо научных исследований, в результате получают памфлеты, в которых история искажается до полного несоответствия с фактами для обоснования тех или иных притязаний, возводимых на степень так называемых "исторических прав"» [6].

Эти строки написаны будто сегодня: мы наблюдаем и русофобскую истерию по поводу «наследственного врага», и посягательства на достоинство науки, и абсурдные

притязания на вымышленные «исторические права». Налицо ряд мифологем, составляющих фундамент украиноцентрированного нарратива: «Речь идет о примордиальном (уходящем вглубь веков и неverifiedируемом) мифологическом комплексе, включающем в себя целый ряд структурных мифов: миф о происхождении (клиновое письмо А – древнеукраинский язык, Троя – украинский город, трипольская культура – украинская культура и т. д.), миф об основателях украинской нации и героях (князь Владимир, казак Мамай и т. д.), миф об украинцах как "кошерных славянах", миф о Запорожской Сечи как основании государственности, миф о вечном историческом враге – России, миф о борьбе с вечным Злом в лице России и т. д.» [7, с. 51].

Но искажение истории, произвольное оперирование фактами прошлого недопустимы для выстраивания позитивных проектов будущего. Такое искажение не просто порождает сомнения в прочности и достоинстве европейской культуры, но и побуждает людей к активным действиям по сохранению собственной идентичности. А. Камю справедливо полагал, что участие субъекта в строительстве истории определяется не внешней целью, а собственным смыслом творческой деятельности: «Двигать историю вперед способны лишь те, кто в нужный момент может взбунтоваться и против нее» [8, с. 354]. Как в прошлые века, так и сегодня борьба с опасностью культурно-исторического беспамьяства обеспечивает качественное становление личности как субъекта истории. Народ Донбасса отвергает агрессию по отношению к иной идентичности, но не допустит насильственного изменения своего поликультурного пространства. Бунтуя против намеренной фальсификации истории, он сохраняет полиэтнический состав населения, а следовательно, и его ментальные ценности.

В условиях военного противостояния экзистенция особенно упорно сопротивляется отчужденной реальности, но негация навязанных ценностей не может быть безболезненным духовным процессом, поскольку ставит под вопрос полноценное существование целого этноса. Став сомнительным в отношении Бытия, существование тем самым наполняется особым, трагедийно-вдохновенным смыслом. Как справедливо подчеркивает С. Хук, трагичность вызревает в истории, но переживается индивидом непосредственно в истоках его существования: «Первичное место трагедии – не в пьесе, а в жизни, в праве, в истории» [9, р. 15]. Осознание этой трагичности преломляется через призму межсубъектных отношений; и реальность может предстать воплощением опустошения и тотальной деструкции. В этом случае утрачивается исходная связь с экзистенцией; происходит забвение бытия, означающее тотальное отчуждение. Экзистенциальное отчуждение приводит к тому, что социальная реальность предстает кризисным столкновением противоположных сил – политических, религиозных, идеологических, этических.

Однако существует удивительная диалектика трагизма, на которую обращал внимание еще Б.П. Вышеславцев. Эта диалектика, заставляющая личность, народ и даже эпоху выдвигать то автономию лица, то автономию принципа, способна предчувствовать выход в любой безвыходности и может всякий конец превратить в начало [10, с. 224]. Отдавая предпочтение автономии личности, Б. Вышеславцев выступает против всяческих тираний и диктатур, в том числе – против тирании коммунизма и диктата инквизиции. Но можно утверждать, что в определенные периоды истории суверенность лица и автономия принципа утрачивают антагонистическую интенцию и органично дополняют друг друга. Индивид, осознавший свою идентичность и нашедший ответ на принципиальный вопрос: «Кто я?», приходит к ясному осознанию своей модели поведения и роли в социуме. Не всегда умея четко сформулировать критерии собственной идентификации, он

отождествляет себя с той общностью, которая отвечает его представлениям о значимых целях и основополагающих ценностях. Ощущая внутреннее родство с людьми, близкими ему по духу, он решительно отвергает чуждые ему мировоззренческие установки.

В переломные периоды общественного развития это противостояние приобретает характер глобального столкновения противоположных жизненных миров. В этом столкновении испытывается на прочность целостность личности, ее готовность открыто оберегать все то, что ей дорого и свято. И вновь вспоминается Б. Вышеславцев, согласно которому одна из мощнейших трагедий, состоящая в столкновении в человеческой душе Савла и Павла, разрешается сублимацией души, ее поднятием на новую, высшую ступень благодати, открытием новых святынь и ценностей [10, с. 30]. Хочется надеяться, что такая сублимация рано или поздно произойдет и в душах наших недавних соотечественников. Поругание вековых святынь, в частности, – позорная кампания по преследованию священнослужителей, запрет на законодательном уровне религиозных организаций, аффилированных с РФ, а по сути – разгром Украинской Православной Церкви, – все это четко подпадает под понятие мракобесия. Возможно, усугубление духовного кризиса, чрезвычайно болезненное для огромной части верующих, приведет к прозрению ту часть общества, которая сохранила способность трезво мыслить и не позволила переформатировать свое сознание в духе укронацизма.

Противостояние ценностных миров всегда порождает решимость на борьбу за свободу, права и достоинство личности. Именно эта экзистенциальная решимость составила основу самоопределения Донбасса как части Русского мира. В течение десяти лет жители нашего региона боролись и продолжают бороться за право исповедовать свои убеждения, чествовать подлинных героев, говорить на родном языке, сохранять религиозные и семейные ценности. В полной мере испытав на себе диалектику трагизма, мы испили чашу страдания, живя под непрерывными обстрелами, теряя близких, но не утрачивая веры в свободу, ставшую для нас не только осознанной, но и преодоленной необходимостью. Очевидно, прав был Ф.В.Й. Шеллинг, связывающий состояние высшего освобождения с экзистенциальными мгновениями наивысшего страдания, когда воля человека побеждает силу судьбы. Философ был убежден, что в счастье свобода не может проявиться ни в состоянии подлинной борьбы с необходимостью, ни в подлинном совпадении с ней: «Свобода может обнаружиться в таком виде только тогда, когда необходимость предопределяет несчастье и свобода, ставя себя выше этой победы, *добровольно* принимает это несчастье в его необходимости, иными словами, в *качестве* свободы все же ставит себя в положение, равное необходимости» [11, с. 415].

Мы можем утверждать, что свобода на самом деле стала для нас экзистенциальной необходимостью, и что наш народ добровольно принял все несчастья, связанные с кровавыми событиями 2014-2024 годов. Наши защитники осознанно пошли на многочисленные жертвы, презрев реальные риски и военные угрозы. Готовые к любому развитию событий, они продемонстрировали силу духа и волю к победе. Судьба действительно стала для них относительной величиной, а конечность человеческого бытия – моментом метафизической вечности. Однако осознание личностью своей конечной природы парадоксально-экзистенциальным образом умножает ее самоценность и выводит за пределы единичного бытия. Тот выбор, который был сделан Донбассом в начале пути к подлинному существованию, продолжает каждодневно осуществляться нашими воинами в пограничных ситуациях

перед лицом Небытия, выступающего в облике смерти. Этот выбор является их собственным решением, продиктованным волей к предельному самоосуществлению.

Вопрос о том, какими ценностями следует жить, внутри нашей общности утрачивает свою дискуссионность, потому что ответ уже найден. Но этот вопрос остается актуальным по отношению к противоположной стороне, рабски подчинившейся абсурдным требованиям новой западной морали. Любопытно, что философы-экзистенциалисты, размышляя об абсурде, приходили к выводу о том, что он онтологически укоренен в бытии и символизирует разрыв между человеком и реальностью. Но именно поэтому он становится основой рефлексии: «Абсурд имеет целью не объяснять, не выносить решения, а испытывать и описывать. Он начинается там, где кончается мышление, а мышление кончается, как только обнаруживает свое бессилие» [12, с. 94].

Это высказывание вполне допустимо применить к тем событиям, которые происходят ныне в западном либеральном сообществе. Тот абсурд, о котором писал Э. Мунье, в полной мере проявляется в безумных социальных экспериментах, осуществляемых коллективным Западом. Миграционная политика, проводимая в рамках мультикультурализма и задуманная как средство гармонизации действительно злободневной проблемы, на деле оборачивается кризисом в экономике, политике, праве, общественной морали. Происходит радикализация партий и национальных меньшинств, рост социальных барьеров и нередко – исламофобии; наблюдается взлет популизма и одновременно – стагнация европейской экономики. Резко падает уровень жизни, под угрозой оказывается безопасность жизнедеятельности среднестатистических европейцев.

Радикальные изменения особо проявляются в гендерных аспектах, затрагивающих ныне не только личную жизнь граждан, но и все сферы бытия. Так, в политической сфере преимущественным признаком соответствия занимаемой должности оказываются не интеллектуальные и нравственные способности, а совершенно иные характеристики (вспомним известную речь пресс-секретаря Белого дома Карин Жан-Пьер, сделавшей акцент не на деловых качествах, а на своем цвете кожи и лесбийской ориентации). В спортивной сфере происходят поистине чудовищные события; достаточно указать на кощунственные представления и гендерные скандалы в женском боксе на Олимпиаде-2024. Вызывающе вульгарные, но поощряемые властями и уже ставшие привычными шествия ЛГБТ-сообществ, упрощенные разрешения на смену пола у взрослых и детей, пренебрежение вековыми нормами нравственности – все это и есть проявление абсурда, отрывающего человека от реальности. Действительно, этот абсурд ничего не объясняет, но бесконечно испытывает индивида на прочность; он торжествует там, где мышление обнаруживает свое бессилие. Но, кроме этого, он понуждает лиц, облеченных полномочиями, выносить решения, противоречащие здравому смыслу и опыту поколений.

Можно утверждать, что все вышеописанные явления, абсурдные и обрекающие человеческое общество на деградацию и медленное самоуничтожение, спровоцированы идеями, в полной мере подпадающими под понятие этического нигилизма. Заметим, что сам по себе нигилизм представляет собой достаточно масштабный мировоззренческий феномен, возникший в конце XIX века и сохраняющийся до нашего времени. Переживший множество метаморфоз, он остается действенным способом философской рефлексии и может оцениваться как с негативной, так и с позитивной точки зрения. Так называемый «отрицательный» нигилизм воплощает в себе волю к отрицанию и деструкции, в то время как «положительный» нигилизм проявляется как воля к утверждению и созиданию. Нередко этот феномен демонстрирует

амбивалентную сущность, объединяет в себе негативное и позитивное начало (философия Ф. Ницше – яркий пример этого симбиоза). Но применительно к тем ценностям, которые либеральный Запад пытается сегодня закрепить в массовом сознании, взвешенная оценка нигилизма может быть только отрицательной.

Примечательно, что С.Л. Франк, размышлявший об этике нигилизма в эпоху революционных потрясений, обращал внимание на неизбежность перехода проблемы политической в культурно-философскую и моральную проблему. Поощряя разрушительные действия, этический нигилизм помогает преступности и хулиганству переодеться в мантию прогрессивности и усугубляет идейный хаос. Спутницей разрушения становится ненависть – этический импульс, укрепляющийся в центре духовной жизни. «Разрушительные силы нужны иногда в экономии человеческой жизни и могут служить творческим целям; но замена всего творчества разрушением, вытеснение всех социально-гармонизирующих аффектов дисгармоническим началом ненависти есть искажение правильного и нормального отношения сил в нравственной жизни» [13, с. 97].

Такую разрушительную ненависть мы наблюдаем у нынешних адептов укроцентризма, замешенного на зашкаливающей русофобии. Но логика истории подсказывает, что следование требованиям новой «морали», заимствованной у западных покровителей, могут привести человечество исключительно к разрушению и самоуничтожению. Хитроумно лавируя в потоке абсолютных и относительных ценностей, этический нигилизм обрекает социум на медленное угасание. Он приближает ту глобальную катастрофу, которую в постсовременности закономерно именуют постапокалипсисом.

В этих условиях жители Донбасса осознанно осуществили выбор подлинного бытия, полностью соответствующий их экзистенциальным потребностям. Несомненна аутентичность избранной ценностной ориентации, отвергающей культурно-историческое беспамятство, этический нигилизм, навязывание чуждых нравственных норм и способов существования. Общность языка, моральных и религиозных традиций, общекультурных ценностей, грандиозные события совместно прожитой истории обусловили и свободу экзистенциального выбора, и необходимость политического объединения. Неудивительно, что доктрина Русского мира органично вошла в доктрину русского Донбасса.

Ощувив себя живой динамической реальностью, сплавив свободу и ответственность в единое целое, мы уверенно определили горизонт наших целей и возможностей. Исторические корни, предопределившие экзистенциальное самоопределение Донбасса, гарантируют его полноценное развитие в границах Русского мира. Феномен Новороссии получил свое убедительное обоснование: «Собственно, возникновение и формирование Донецкой и Луганской Народных Республик, равно как и их конфедеративного союза под названием "Новороссия" (24 мая 2014 года), есть новый и принципиально важный сюжет в становлении изучаемого феномена. Феномена, имеющего яркую и неповторимую историю, но отчетливо обращенного в будущее» [7, с. 58]. Несомненно, властное духовное начало, актуализированное в пограничных ситуациях последнего десятилетия, побуждает нас к сохранению своей ментальности и судьбоносному проектированию грядущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма / О. Ф. Больнов / Сост. Ю. А. Сандулов; Науч. ред. А. С. Колесников, В. П. Сальников. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.

2. Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии // С. Л. Франк. Сочинения. Вступ. ст, сост., подг. текста и примеч. Ю. П. Сенокосова. – М.: Правда, 1990. – С. 181-559.
3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
4. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 63-176.
5. Розанов В. Природа и история / В. Розанов [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_priroda_i_istoriya.html#013. – Назв. с экрана.
6. Кареев Н. Историка. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории / Н. И. Кареев [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/kareev/kareev_istorika.html. – Назв. с экрана.
7. Муза Д. Е. О русской культуре и цивилизации: уроки XXI века (культурфилософские и искусствоведческие исследования): Монография / Д. Е. Муза / Центр стратегической конъюнктуры. – Пушкино: Издатель Воробьев А.В., 2024. – 188 с.
8. Камю А. Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство / А. Камю. [Сборник: пер. с фр.] / [Общ. ред., сост. и предисл. А. М. Руткевича]. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
9. Hook S. The Tragic Sense of Life. – / S. Hook. – N-Y.: Prometheus books, 1974. – 301 p.
10. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса / Б. П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 368 с.
11. Шеллинг, Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. фон Шеллинг; [пер. с нем. П. С. Попова; примеч. А.В. Михайлова; вступит. ст. А.В. Маркова]. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 524 с.
12. Мунье Э. Надежда отчаявшихся: Мальро. Камю. Сартр. Бернанос. / Э. Мунье: Пер. с фр. и примеч. И. С. Вдовиной. – М.: Искусство, 1995. – 238 с.
13. Франк С. Л. Этика нигилизма / С. Л. Франк // Сочинения. Вступ. ст, сост., подг. текста и примеч. Ю. П. Сенокосова. – М.: Правда, 1990. – С. 77-110.

Поступила в редакцию 25.11.2024 г.

EXISTENTIAL SELF-DETERMINATION OF DONBASS AS A COUNTERWEIGHT TO ETHICAL NIHILISM

N. N. Yemelyanova

The article explores the essence of the existential self-determination of Donbass as a phenomenon opposed to cultural and historical unconsciousness and ethical nihilism. The concept of existence is analyzed in relation to the mentality of Donbass as a part of the Russian world. The authenticity of the value orientation of Donbass residents as a choice of authentic existence in accordance with the needs of existential self-fulfillment is proved. The authenticity of the value orientation of the residents of Donbass, who made the choice of authentic existence in accordance with the needs of existential self-realization, is proved.

Key words: existential, existence, the transcendent, being, self-determination, Donbass, Russian world, values, ethical nihilism.

Емельянова Наталья Николаевна
Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru

Yemelyanova Natalia Nikolaevna
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Chair of Philosophy
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru